

RAR
УДК 930.85
ББК 63
DOI 10.34685/HI.2024.47.4.011

К ВОПРОСУ О ЯЗЫЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЯХ И КУЛЬТАХ ФИННО-УГОРСКОГО ПЛЕМЕНИ МЕРЯ

Козлов Михаил Николаевич,

доктор исторических наук,
профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура»
Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета,
ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, Россия, 299053,
kmn_75@mail.ru

Бойцова Елена Евгеньевна,

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Всеобщая история и мировая культура»
Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета,
ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, Россия, 299053,
e.e.bojtsova@mail.sevsu.ru

Аннотация

На основе анализа материалов археологических исследований мерянских языческих святилищ и могильников IX — начала XI вв., а также текста «Жития Авраамия Ростовского» и народного предания «Сказание о построении града Ярославля» проведена историческая реконструкция языческих верований и культов финно-угорского племени меря, населявшего ростовские, ярославские, суздальские и костромские земли в IX — начале XI вв. В исследовании также проведён анализ мерянских традиционных представлений о загробном мире.

Ключевые слова

Меря, языческие святилища, языческие верования, культ Велеса, языческие представления о загробном мире.

Многие балтийские и финно-угорские народы, проживавшие некогда на окраинах Древней Руси, были ассимилированы пришлыми славянами в течение XI–XII вв. Однако их языческое наследие составило неотъемлемую часть древнерусской культуры. Неславянские языческие мотивы чётко прослеживаются в древнерусском ремесле, строительстве, искусстве, народном фольклоре. Важной частью финно-угорской традиционной культуры являлись их верования и культы. Они

оказали существенное влияние на формирование народного Православия в раннехристианскую эпоху. Таким образом, без изучения религиозных верований и культов финно-угорских народов, проживавших на восточнославянских землях, невозможен детальный анализ религиозного и культурного развития древнерусского общества.

Однако если славянское язычество стало объектом исследования отечественных учёных ещё во второй половине XVIII в., то дохристиан-

ские верования и культы финно-угорских народов, проживавших некогда в Северо-Восточной Руси по сей день, остаются для нас загадкой.

Особый интерес в этом отношении вызывает суровое племя меря, проживавшее вплоть до начала XI в. в ростовских, ярославских и костромских землях. Мерянские языческие верования и культы оказали существенное влияние на мировоззрение недавно окрещённого пришлого славянского населения, существенно повлияв на формирование древнерусской двоеверной картины мира, отдельные элементы которой просматриваются в народном Православии вплоть до нашего времени.

В настоящее время усилился интерес к народным традициям и верованиям, проживающих в России финно-угорских народов. Целый ряд отечественных исследователей проводят реконструкцию различных аспектов некой единой финно-угорской мифологии, опираясь на этнографические материалы XIX — начала XX вв., собранные среди финно-горских народов Поволжья, Урала или Сибири¹.

Между тем, языческие верования и культы финно-угорских народов, ассимилированных славянами в XI–XII вв. остаются вне научного внимания современных исследователей. Так, В.Я. Петрухин, например, в одной из своих монографий провёл ретроспективный анализ мифологии финно-угров в целом, но мерю в своём исследовании он так ни разу и не упомянул².

На сегодняшний день можно констатировать, что детального научного исследования, посвящённого религиозным воззрениям финно-угорского племени меря в отечественной гуманитарной науке, не существует.

Историческая реконструкция языческих мерянских верований и культов — основная цель данной статьи.

Самыми ценными источниками в свете реконструкции верований и культов мерянского племени являются материалы раскопок мерянских языческих святилищ и могильников конца X–XI вв.

Некоторые драгоценные детали религиозной жизни Ростовского края конца X–XI вв. содержатся также в «Житии Авраамия Ростовского» и народном предании «Сказание о построении града Ярославля». По мнению И.О. Тихомирова, «Сказание» восходит к какому-то письменному источнику XI в., не дошедшему до нашего времени³.

Так, в «Житии Авраамия Ростовского» сообщается о том, что святитель Авраамий с великим негодованием обнаружил в одном из районов Ростова (Чудском конце) капище Велеса с каменным идолом⁴.

«Чудский конец» — это старый район города, в котором проживали коренные жители мерянского края. Именно они, согласно отрывку из вышеупомянутого источника, и поклонялись Велесу в Ростове в период правления здесь князя Бориса Владимировича.

Более информативным выглядит сообщение о религиозной жизни ярославской мери из народного предания «Сказание о построении града Ярославля»: «Бысть селище, рекомое Медвежий угол, в нем же насельницы человецы, поганая веры языцы, зли суще. Идол, ему же кланястася сии, бысть Волос, сиречь скотий бог. И сей Волос, в нем же бес живя, яко и страхи мнози твои, стояше осреди логовины, нарицаемой Волосовой, отседе же и скотии по обычаю на пажити изгоняше. Сему многокозненному идолу и кереметь створена бысть и волхв вдан, а сей неугасимый огонь Волосу держа и жертвенная ему кури. Тако егда прииде первый спут скотия на пажити, волхв закала ему тельца и телицу, в обычное же

1 Голубкова О.В. Орнитоморфные образы женских демонологических персонажей в традиционном мировоззрении славян и финно-угров // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. №20. С. 286-297; Кольчугина С.В. Образ оленя в традиционном искусстве финно-угров // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2010. №1. С. 67-69; Дорошин Б.А. Архетипический образ птицы-демиурга в мифологических представлениях финно-угров Поволжья: некоторые антропокосмические аспекты // Социосфера. 2010. №4. С. 156-160; Абукаева Л.А. Культ земли в запретах финно-угров // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского государственного университета, 2017. С. 232-235.

2 Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель, 2003. 464 с.

3 Тихомиров И. А. О некоторых ярославских гербах // Тр. 3-го обл. ист.-археол. съезда во Владимире. Владимир: Типография Губернского правления, 1909. С.38

4 Житие Авраамия Ростовского. Электронный ресурс. Точка доступа http://krotov.info/acts/11/3/avraam_rostov.htm), Время обращения 10.09.2024

время от диких зверей жертвенное сожигает, а в неких зело больных днх и от человек»⁵.

Исследователи связывают поселение Медвежий угол с небольшим мерянским посёлком, расположенном некогда на высоком коренном берегу реки Которосли, практически на водоразделе между этой рекой и Волгой на территории нынешнего Ярославля. Его следы были обнаружены в 1938–1940 гг. при раскопках Успенского собора в археологическом слое X — начала XI вв.⁶

Из «Сказания» следует, что у ярославской мери славянский культ «скотьего бога» Велеса наложился на местный тотемистический культ медведя. Так, само название поселения «Медвежий угол» может означать, что оно представляло собой городище-святилище и сакральный центр местной округи, в котором поклонялись богу-медведю. Упоминание же в «Сказании» «керемети» указывает на тот факт, что капище Велеса было мерянским. Подобным словом древнерусские книжники обычно называли святилища финно-угорских или балтийских народов. Медведь, скорее всего, считался у местных жителей тотемным воплощением Велеса. Не случайно Велесу, согласно тому же источнику, приносили в жертву коров перед первым весенним выгоном скота в лес. Медведь у различных народов Европы считался хозяином леса.

Согласно преданиям в языческую эпоху капище Велеса находилось также в селе Чертово в десяти верстах от Ростова⁷.

Показательно, что процесс синкретизма культа Велеса — повелителя умерших и тотемистического культа медведя произошёл также в мифологии балтийских народов. Так, язычники литовских и латышских племён считали медведя прародителем человека и одним из образов бога Велеса (Вельниса) — проводника в царство мёртвых и повелителя душ умерших⁸.

В пользу предположения о том, что ярославская мера почитала тотемного зверя-медведя, свидетельствует обычай класть в местные курганные захоронения рядом с останками покойника глиняные муляжи медвежьих лап и металлические кольца. По мнению Д.И. Дубова, таким образом местные жители хотели добиться лояльного отношения бога смерти — медведя к умершему в загробном мире, а глиняные кольца являлись платой за это⁹.

В одном из захоронений Тимирёвского могильника было найдено захоронение девочки 11–13 лет. Рядом с её останками была зафиксирована отрубленная лапа медведя. На руку девочки и фалангу медведя были одеты одинаковые браслеты¹⁰. Совершившие данное захоронение местные жители, видимо, осуществили обряд «посмертного обручения» умершей девочки с богом загробного мира.

Глиняные муляжи медвежьих лап и металлические кольца встречаются в мерянских погребениях костромских и владимирских курганов¹¹. Возможно, что верования, связанные с медведем — властителем подземного мира были распространены не только у ярославской, но также у костромской и владимирской мери.

О том, что ярославские язычники поклонялись подземным богам, сообщает и автор «Повести временных лет». Так, если верить данному источнику, некие волхвы, пришедшие от Ярославля и устроившие мятеж в Белозёрских землях в 1071 г., заявили местному воеводе Яну Вышатичу, что поклоняются богам, которые «сидят в бездне»¹².

Характерно, что у родственного мере финского племени мокша вплоть до XVIII в. сохранился обычай приносить в жертву корову перед первым весенним выгулом скота некоему богу Велу. Так, померанский учёный XVIII в. И.Г. Георги в своём «Описании всех в Российском Государстве обитающих народов» упоминает, что у мокши суще-

5 Лебедев А. Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. Ярославль: Изд-во Ярославской епархии Русской Православной церкви, 1877. С.9–11

6 Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С.73

7 Золотов Ю. М. Изваяния языческих богов на Руси // Советская археология. 1985. №4. 235

8 Роткирх Т. Литовско-языческие очерки. Исторические исследования Теобальда. Вильна: Тип. О. Завдозного, 1890. С. 48

9 Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. с. 75

10 Там же. С.75

11 Дубов И.В. Северо-Восточная Русь. С.28; Седов В.В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С.77

12 Повесть временных лет / под ред. и с пред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.214

ствовал весенний праздник, схожий по описанию с тем, что был некогда у язычников Медвежьего угла. Согласно данному источнику весной перед выгоном скота в поля мокша приносит в жертву некому богу Велу чёрную корову¹³.

Таким образом, можно предположить, что накануне христианизации в землях ярославской, костромской и владимирской мери существовал культ медведя-повелителя «инога мира». У ярославской мери произошла синкретизация местного тотемного культа медведя с культом древнерусского бога Велеса.

В настоящее время исследованы всего несколько языческих святилищ, которые можно условно назвать мерянскими. Так, в 2014 г. в северо-восточной части Угличского кремля были открыты развалины языческого капища, функционировавшего ещё до основания древнерусского города Угличе Поле. Общие размеры сакральной зоны составляли 7 на 10 м. В одной из исследованных ям, входивших в сакральную зону святилища, были найдены прокалённый грунт и погребённые черепа лошадей и собаки. В другой жертвенной яме были обнаружены кальцинированные кости птиц (жертвенные животные либо остатки трапезы). Найденная при раскопках святилища лепная керамика принадлежит финно-угорской (мерянской) культурной традиции и изготовлена из красной глины. Данная керамика обнаруживает ближайшие аналоги на памятниках центральных районов Волго-Окского междуречья — Ростова и ростовской округи. По мнению исследователей, осуществлявших раскопки святилища, оно функционировало в третьей четверти X в., то есть в период обитания здесь племени меря¹⁴.

Другое, возможно также мерянское святилище было открыто исследователями в 1996 году при раскопках домонгольских археологических слоёв города Плеск Владимирской области. Оно находилось в северной части современной Соборной горы. Основу сакрального комплекса составила яма правильной, почти квадратной формы, длиной 2,3 м (с севера на юг) и шириной

2,1 м, чётко сориентированная по сторонам света. Наиболее отчётливо выявились следы двух жертвоприношений: первого и последнего. Судя по сохранившимся фрагментам костяка, жертвенным животным оказался крупный лось-самец с мощными рогами. На сгоревшие кости была брошена связка из 13 ключей, в юго-западный угол ямы — тесло и точильный брусок. В юго-восточном и юго-западном углах ямы на кострище были найдены плохо сохранившиеся фрагменты навесного замка или даже нескольких замков. В кострище же оказались обломки лепной красной керамики, принадлежащей финно-угорской (мерянской) традиции¹⁵.

Как мы видим, святилище, найденное при раскопках древнерусского города Плесса, во многом схоже с тем, что было найдено исследователями при раскопках города Угличе Поле. Так, в обеих случаях на территории святилищ были найдены жертвенные ямы, долгое время используемые служителями культа для жертвоприношений. При раскопках этих ям были найдены черепа и кости животных. Кроме костных останков животных также были обнаружены глиняные горшки, фрагменты разбитой керамики, схожей с той, что была найдена при раскопках древнего Клещина.

До недавнего времени было принято считать, что Плесь, возник в середине XII в. как опорный пункт владимирских князей на Волге в военных целях и в целях колонизационного освоения окрестных территорий¹⁶. Однако недавно во время раскопок в Плесе были обнаружены археологические слои X–XI вв., свидетельствующие о том, что до возникновения здесь княжеской крепости на месте славянского города находилось мерянское поселение. К нему относились и погребальные курганы X–XI вв.¹⁷.

13 Георги И. Г. Описание всех, проживающих в России народов. Часть 1. О народах финского племени. СПб.: Печатня артиллерийского инженерного училища, 1776. С.54

14 Томсинский С. В. Остатки языческого святилища на территории Угличского кремля по материалам раскопок 2014 года // Археология Владимирско-Суздальской земли. 2017. №7. С. 158-161

15 Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново: Merja press, Мысль, 2008. С.80

16 Травкин П.Н. Средневековый Плесь // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы ежегодной научно-практической конференции. Электронный ресурс. Точка доступа <https://arheologi.livejournal.com/63910.html>. Время обращения 10.03.2024

17 Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Аверин В.А., Фризен С.Ю. Население средневекового Плёса (по материалам археологических раскопок Варваринского некрополя в г. Плесь Ивановской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 168

Население Плёса первоначально составляли местные меряне, со временем ассимилированные пришлыми славянами. Так, при его раскопках была обнаружена в основном мерянская керамика, схожая с камской. Краниологический анализ человеческих останков из Плёса, датированных концом X — XIII вв. показал близость местного населения к финно-угорскому субстрату¹⁸.

Вполне возможно, что руины языческого святилища, исследованного П.Н. Травкиным, относятся к периоду функционирования мерянского посёлка, а не древнерусского города.

Таким образом, можно предположить, что в языческую эпоху в Плесе местные меряне, как и жители поселения, на месте которого возник славянский город Угличе Поле, почитали неких божеств, связанных с нижним, подземным миром.

Третье мерянское святилище предположительно находилось на Александровой горе. В языческую эпоху здесь располагалось укрепленное мерянское городище, окружённое с трёх сторон оврагами и обрывистым берегом озера, по всему периметру защищённое искусственным насыпным валом¹⁹. Со всех сторон Александрова гора была окружена курганными могильниками X–XI вв. На раннем этапе Александрова гора и находящееся рядом селище были центром мерянской округи. Одно из народных названий Александровой горы — Ярилина гора указывает на существование в дохристианскую эпоху здесь языческого капища.

В 0,5 км к северо-западу от Александровой горы лежит почитаемый местным населением в древности Синий камень. Ещё в XVII в. он оставался местом поклонения окрестного населения. Об этом, в частности, сообщает «Житие Иринарха Ростовского». Так, в данном источнике сообщается о том, что каждый год в день Петра и Павла (12 июля) здесь собирались местные жители со всей округи и устраивали народные гуляния²⁰.

По мнению И.В. Дубова Клевшинский Синий камень ранее лежал либо прямо у подножия Александровой горы, либо на её площадке и, видимо,

входил с нею в один сакральный комплекс²¹. Подобные камни были найдены в Ярославле, Угличе, на Берендеевом болоте²².

Таким образом, можно предположить, что в языческую эпоху на Александровой горе находилось языческое святилище, частью которого был сохранившийся до наших дней Синий камень.

К сожалению, нет никакой возможности в настоящее время установить объект поклонения в данном святилище. По мнению И.В. Дубова в языческую эпоху здесь было капище бога солнца Ярилы. Культ камней исследователь связывает с культом мёртвых предков, принесённым в Верхнее Поволжье славянами-переселенцами²³.

По нашему мнению, в данном случае следует учитывать, что отечественные исследователи обнаружили на Александровой горе следы мерянского поселения IX–X в. Славянское же поселение здесь возникло лишь в XIII в. Таким образом, в языческом святилище на Александровой горе не могли почитать славянских языческих богов.

К тому же день Петра и Павла, во время празднования которого крестьянская округа обычно сходилась к Синему камню, отмечали 12 июля. Таким образом, славянский бог Ярило, которого почитали в начале весны, никакого отношения к данному святилищу не имел, также как и князь Александр Ярославич Невский.

Расположение святилища на вершине горы указывает на тот факт, что в нём почитали кого-то из верхних, небесных мерянских божеств.

В грунтовых могильниках клещеевской меры исследователи не обнаружили муляжи глиняных медвежьих лап и металлических колец, характерных для ярославских, владимирских и костромских могильников. Вместе с тем, здесь было зафиксировано значительное количество оберегов с изображениями уток или других водоплавающих птиц²⁴. Были найдены также амулеты-привески в виде птичек или утиных и гусиных лапок в погребениях костромской и ивановской меры. Так, в местных мерянских захоронениях встречаются стилизованные коньковые подвески в виде фантастических птичек, плоские подвески птичек

18 Там же. С.168

19 Дубов И.В. Новые источники. С.95

20 Житие Иринарха Ростовского // Электронный ресурс Точка доступа https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-14/15). Время обращения 25.04.2024

21 Дубов И.В. Новые источники. С.92-94

22 Там же. С.94

23 Там же. С. 92-94

24 Дубов И.В. Северо-Восточная Русь. С.23

в привесках в виде утиных лапок и полые подвески с шумящими привесками, соединяющие в себе признаки коня и утки²⁵.

Этнографы ещё в начале XX в. отмечали изображения уток, гусей или утиных лап на сакральных камнях Костромского края. Подобного рода камень был найден в Бараньих горах в 7 км от с. Чёрная Заводь, а также в местности «Гусыня» около села Пушкино Костромского уезда. И под Минским городищем у Волги когда-то стоял громадный камень «кобыла» с нацарапанным изображением утки, потом разбитый и отвезённый в Кострому под фундамент одной часовни²⁶.

Согласно финской традиционной мифологии некая утка, летающая по бескрайнему небу, создала весь человеческий мир. Из её яиц возникла земля и всё живое на ней²⁷.

Таким образом, можно предположить, что на Александровой горе в дохристианскую эпоху существовало святилище некоего языческого божества, связанного с тотемистическим культом волшебной птицы.

Типичными для мери являлись грунтовые могильники с захоронениями в ямах. Встречаются как захоронения, совершённые по обряду кремации, так и ингумационные погребения. Для трупоположений характерны меридиональная, чаще северная ориентировка. Женщины погребались с украшениями, в погребениях мужчин встречаются ножи, кресала, топоры, оружие. В ярославских могильниках учёные находят имитации «домиков мёртвых», глиняные лапы и кольца. Подобный погребальный инвентарь учёные фиксировали также во владимирских и костромских курганах²⁸.

В ранних мерянских могильниках встречаются домики мёртвых — небольшие срубы, ориентированные по сторонам света размерами 2х2 м.

В таких срубах размещались останки пяти-шести человек²⁹.

Анализ погребальной обрядности позволяет предположить, что загробный мир, согласно языческим представлениям мерян, находился где-то далеко на севере, а не на западе как у многих других индоевропейских народов. На это указывает обычай класть умерших головой на север или северо-восток. Как и у славян, у мерян царство мёртвых считалось царством тьмы и холода, поэтому покойникам часто клали в могилу кресальные камни для добычи огня. Обычно они располагались у пояса умерших³⁰.

Домики мёртвых, а также бытовые вещи, положенные в могилы к умершим указывают на тот факт, что меряне-язычники верили, что души умерших продолжают своё существование после смерти. Так, при раскопках муромских погребений были найдены кузнечно-литейные мастерские, а также инструменты для добычи и выплавки металлов³¹.

Видимо, по мнению мерян, в загробном мире случались и военные конфликты. Так, самым обычным погребальным инвентарём в мерянских мужских погребениях были боевые топоры, ножи и копья. В целом оружие было обнаружено примерно в 75 % мужских погребений. Зафиксировано оружие и в некоторых женских погребениях³².

Душу покойника в загробный мир, по мнению мерян должен был перенести волшебный конь. Так, захоронения с останками лошадей исследователи зафиксировали в ярославских, костромских могильниках, захоронениях плещеевской и ростовской мери. Интересно, что конские кости исследователи фиксируют не только в мужских, но и женских захоронениях. Зафиксированы исследователями и конские захоронения без человеческих останков³³. Вероятно, такие конские погребения сооружали для тех, кто погиб на чужбине и не мог, по мнению мерян, отправиться в загробный мир без волшебного коня.

25 Седов В.В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С.79

26 Шарабарина С.Г. Фольклорно-этнографические исследования финно-угорского наследия Костромского края в начале XX века // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 1-2. С.61

27 Петрухин В. Мифы финно-угров. С.63-65

28 Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. С.16

29 Седов В.В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С.73

30 Там же. С.80.

31 Там же. С.74

32 Там же. С.75,80

33 Там же. С.74-75, 77.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в языческую эпоху у мери существовали стационарные языческие святилища, в которых почитали тотемных животных — медведя — покровителя мёртвых и бога верхнего мира, символом которого были птицы. В X — начале XI вв. произошла синкретизация культа славянского Велеса с мерянским тотемистическим культом медведя — хозяина иного мира.

Загробный мир, по мнению мерян находился где-то на севере и представлял собой тёмное и холодное подобие реального мира.

Список литературы

1. Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Аверин В.А., Фризен С.Ю. Население средневекового Плеса (по материалам археологических раскопок Варваринского некрополя в г. Плес Ивановской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С.161–179.
2. Георги И. Г. Описание всех, проживающих в России народов. Часть 1. О народах финского племени. СПб.: Печатня артиллерийского инженерного училища, 1776. 89 с.
3. Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 176 с.
4. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель. 2003. 464 с.
5. Роткирх Т. Литовско-языческие очерки. Исторические исследования Теобальда. Вильна: Тип. О. Завдозного, 1890. 201 с.
6. Седов В.В. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. 510 с.
7. Томсинский С.В. Остатки языческого святилища на территории Угличского кремля по материалам раскопок 2014 года // Археология Владимиро-Суздальской земли. 2017. № 7. С. 154–163
8. Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново: Merja press, Мысль, 2008. 309 с.
9. Шарабарина С.Г. Фольклорно-этнографические исследования финно-угорского наследия Костромского края в начале XX века // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 1–2. С. 58–67

ON THE QUESTION OF PAGAN BELIEFS AND CULTS OF THE FINNO-UGRIC TRIBE MERYA

Kozlov Mikhail Nikolaevich,

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of General History and World Culture,
Institute of Social Sciences and International Relations,
Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol, Russia, 299053,
kmn_75@mail.ru

Boitsova Elena Evgenievna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of General History and World Culture,
Institute of Social Sciences and International Relations,
Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol, Russia, 299053,
e.e.boitsova@mail.sevsu.ru

Abstract

Based on the analysis of archaeological research materials of Meryan pagan sanctuaries and burial grounds of the 9th – early 11th centuries, as well as the text of the "Life of Abraham of Rostov" and the folk legend "The Tale of the Construction of the City of Yaroslavl", a historical reconstruction of the pagan beliefs and cults of the Finno-Ugric tribe of Merya, who inhabited the Rostov, Yaroslavl, Suzdal and Kostroma lands in the 9th – early 11th centuries, was carried out. The study also analyzes the Meryan traditional ideas about the afterlife.

Keywords

Merya, pagan sanctuaries, pagan beliefs, the cult of Veles, pagan ideas about the afterlife.